

ГАГА-АУЛЬСКАЯ ВЕСНА КАК СИМВОЛ РЕВОЛЮЦИИ: ОБРАЗЫ КАВКАЗСКОЙ ПРИРОДЫ И ИХ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЗАХО ГАТУЕВА

Д.Т. Чочиев

В статье фиксируются основные способы проявления чувства природы в творческом пространстве Дзахо (Константина Алексеевича) Гатуева (1892-1938), ярко представляющего осетинской русскоязычной литературы; определяется функциональный потенциал соответствующих образов и мотивов, их символическое значение и обусловленная ими специфика художественного выражения идеологии и мировоззрения автора, горца по рождению и революционера по убеждению. Обще рассматриваются особенности и тенденции изображения природы, свойственные всему творчеству Гатуева и отчасти связанные с влиянием модернизма, и специально – одному из важнейших его произведений, роману «Гага-аул». Обозначается условная градация значимости используемых в его романе эстетических средств, обусловленных авторским восприятием мира кавказской природы и сложных революционных событий: последовательно раскрывается смысловое содержание частных, эпизодических образов (ветер, снег, камень, скала, гора, лед, дождь, трава, река, ручей, пар) и мотивов (гроза, весна); отмечается роль в произведении анималистических образов. Актуальность статьи продиктована ее соотносительностью с одним из важнейших направлений современного отечественного литературоведения – изучением художественных особенностей и ценностных установок в литературах народов Российской Федерации, в частности, в транслингвальной (русскоязычной) осетинской литературе. Статья представляет собой первую попытку исследования специфики проявлений чувства природы в прозе Дзахо Гатуева. Методология статьи базируется на сочетании историко-культурного, социологического и комплексного подходов в анализе литературного текста с особым вниманием к категории чувства природы и его значению в поэтике литературного произведения.

Ключевые слова: чувство природы, Дзахо Гатуев, Гага-аул, революция, символ.

Для цитирования: Чочиев Д.Т. Гага-аульская весна как символ революции: образы кавказской природы и их идейно-художественная функция в творчестве Дзахо Гатуева // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 61 (100). С.124-132. DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.012

Поступила в редколлегию: 11.07.2025 г.

Мир природы всегда имел огромное значение в пространстве художественной литературы. Он является неисчерпаемым источником образов, мотивов и содержаний, с помощью которых писатель воплощает действительность в своих произведениях.

Научное осмысление этого явления в литературоведении вот уже полтора века базируется на таком понятии, как «чувство природы». Оно было введено в употребление в 1845 году В. Гумбольдтом и изначально характеризовало «мировоззрение человека той или иной национальности по отношению к природе в определенный исторический период» [1, 30]. В 1890 году немецкий историк литературы Альфред Бизе опубликовал свое исследование «Историческое развитие чувства природы», в котором активно использовал термин *Naturgefühl* («чувство природы»). Анализируя труд Бизе, А.Н. Веселовский под данным термином разумел «то особое лично-эстетическое ощущение природы, которое является в жизни культурных народов в известную, сравнительно позднюю пору их развития, и находит себе определенное выражение в их поэзии и искусстве» [2, 295].

В начале XX века «чувство природы» впервые было рассмотрено в контексте русской литературы. Так, И.И. Замотин, профессор Варшавского университета, историк русской и белорусской литературы, использовал его в качестве средства характери-

стики героев произведений различных литературных направлений в произведениях классиков русской литературы XIX века [1, 30].

В 1911 году появляется монография «Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева» В.Ф. Саводника, историка литературы, автора учебников по словесности, который акцентировал внимание на таком аспекте чувства природы, как индивидуальность. На формы проявления этого чувства, по его мнению, могут влиять личностные особенности автора, его темперамент, характер, мировоззрение, воспитание, среда существования. Саводник стремился обобщить опыт изучения чувства природы в философских трудах В. Гумбольдта, В. Лапрада и Дж. Рескина. Кроме того, он подчеркивал, что данная тема еще не исследовалась в русской специализированной литературе [1, 31].

После революции 1917 года нарратив, связанный с проявлением чувства природы в отечественном литературоведении, никак не развивался, опыт, методология Саводника и само понятие оказались забытыми. Лишь в середине 1980-х годов появляются труды, посвященные изучению пейзажа и теме взаимоотношений природы и человека. Особое значение для развития данного вопроса имеет опыт Сыктывкарской школы, возникшей благодаря деятельности кафедры русской литературы Сыктывкарского университета, издавшей ряд монографий [3, 16]. Именно этой группой ученых (Н.В. Кожуховской, Л.В. Гурленовой) в терминологический аппарат литературоведения вводится забытое понятие «чувство природы» [4, 25]. Таким образом в отечественном литературоведении было возобновлено теоретическое осмысление значения природы для художественной литературы и к рубежу XIX-XX вв. это осмысление набирает стремительные темпы.

Будет уместным отметить также монографии и диссертации таких авторов, как П.С. Карако [5], М.Р. Лапий [6], М.Н. Эпштейн [7], посвященные этой же теме, и исследовательские труды (А.Н. Афанасьев, Л. Бьюэлл, Г.Д. Гачев, М. Перкиёмяки, А.И. Смирнова и др.), в которых были выявлены различные подходы к изучению природы в литературном произведении (мифологический, космологический, натурфилософский, экокритический, междисциплинарный) [4, 26].

Важно уточнить, что в художественной литературе природа может проявляться различными способами: посредством изображения естественного мира, среды обитания, через описание природных пространств (пейзажей), портретов местности, в образах отдельных пейзажных элементов (дуба, реки, неба, земли, солнца), в мотивах конкретных природных явлений (ветра, дождя, грозы, мороза), времен суток (утра, вечера, ночи), времен года (лета, зимы) и т. д. Различие же между природой и пейзажем состоит в том, что «природа включает в себя все существующее на земле, не созданное деятельностью человека, а пейзаж является внешним (природным) пространством мира» [4, 22-23]. Кроме того, природный образ может быть как самостоятельным, реалистически выписанным, так и наделенным символическим значением [8, 86].

Чувство природы, безусловно, проявляется также и в осетинской литературе. Однако специальные литературоведческие работы, направленные на изучение этого явления в осетинской художественной словесности, стали появляться лишь к концу первого десятилетия XXI века и рассматривают главным образом поэзию, кроме того, их число и на сегодняшний день остается крайне невеликим. К таким работам следует отнести исследования Г.С. Кабуловой [9] и Д.К. Хетагуровой [10].

Особенности чувства природы Дзахо (Константина Алексеевича) Гатуева, одного из виднейших представителей русскоязычной осетинской литературы, позволяют сопоставить его прозаические произведения с творчеством современных ему писателей, для которых главной была тема народной жизни – преимущественно крестьянской. К таким писателям в осетинской литературе мы бы отнесли Г.М. Цаголова,

Ч.Д. Беджызаты, А.Т. Цаликова, в русской советской литературе – А. Веселого, А.С. Серафимовича, В.Я. Шишкова, М.А. Шолохова.

Анализируя проявления чувства природы в прозе данных авторов, Л.В. Гурленова подчеркивала, что в своих произведениях они открывали и изображали природу как часть укладов социального бытия: «Пласт жизни, изображенный этими писателями, обусловил специфику их чувства природы – иной угол зрения на естественную среду и отношение к ней человека. Самое важное в этом – значительное усиление социального аспекта в осмыслении природы» [8, 85].

На страницах произведений Дзахо Гатуева можно встретить множество образов природы, мотивов, выполняющих конкретные функции и использованных писателем для достижения тех или иных художественных целей. Это неизбежное следствие того обстоятельства, что главным объектом его творческого внимания всегда была суровая жизнь горцев Северного Кавказа, жизнь, не просто связанная с природой, но во многом определяемая ею, зависящая от нее. Специфика гатуевских произведений особо актуализирует категорию чувства природы. При этом указанный аспект поэтики Гатуева никогда ранее не подвергался литературоведческому изучению.

Прежде всего следует иметь в виду, что проявляемое в произведениях Гатуева чувство природы во всей его самобытности и сложности обусловлено, как минимум, двояко: национальной принадлежностью и мировоззрением, в том числе и политическим сознанием.

Этнические, архаические элементы нередко внедряются автором в те или иные образы и мотивы. В этом отношении показательным его стихотворение «Май», которое начинается следующими словами: «Молний кинжал / Блеснул и ранил в сердце землю...» [11, 17]. Самобытное соединение разнородных элементов, в данном случае образов типичного кавказского оружия и собственно природного явления, – характерная черта гатуевской эстетики. Словно развивая этот мотив, Гатуев описывает закат в рассказе «Стакан шейха» (1931): «На западе стекала в моря вселенной кровь кончившегося дня» [11, 105]. В рассказе «Смерть Келемета» (1922) образы природы имеют ярко выраженные особенности, делающие это произведение подлинно национальной литературой: «В небо вздымается конь, и не дышит Келемет. Степь внизу. Горы. Ущелье с аулами. В одном сакля Келеметова. Стоит на отлете, понурая. Тропинки. Ледники. Вершины. Внизу они теперь; лежат на горах белыми лапами. Темными бурками брошены на землю леса. Серебряной каймою обшили их реки. К рекам пришиты петли аулов больших. И сколько их. Не видел никогда Келемет столько, не видел на земле воды так много, чтобы в необозримые пенистые озера сливалась она. Меньше и меньше земля делается, и мимо новых земель, новых солнц и новых лун вздыбливается Келеметов конь. К солнцу. А оно кузница. Жаром дышит, шипят накалившиеся горны...» [12, 89]. Разящий «кинжал», сочащаяся «кровь», темные «бурки», серебряная «кайма» и «петли» (как неотъемлемые элементы всякой черкески), «кузница» – все эти неслучайные ассоциации, пронизывающие его тексты, подтверждают правомерность того утверждения, что «Гатуев облек саму душу Кавказа в одежды русского языка» [13, 7].

В романе Дзахо Гатуева «Гага-аул» (1930) чувство природы проявляется особым способом. Как и во многих других произведениях писателя, в «Гага-ауле» нашло свое отражение авторское отношение к Октябрьской революции 1917 года. Описывая особенности общественно-исторического бытия и духовного облика горских народов, Гатуев нередко стремился изобразить их судьбу на фоне революционных событий и гражданской войны, художественно освоить обусловленный грандиозными переменами глубочайший переворот в быту и сознании горцев.

Роман «Гага-аул» рассказывает историю затерявшегося высоко в горах дагестанского селения, жители которого находятся под гнетом четырех зажиточных крестьян и местных религиозных служителей, пользующихся своим положением в корыстных

целях, постепенно истощая бедных гага-аульцев. Известия о происходящем в стране время от времени достигают высокогорного селения, до него доносятся раскаты революции и гражданской войны. Над Гага-аулом должно воссиять весеннее солнце. Скоро наступит конец угнетениям, нищете и страданиям простого народа. Роман проникнут «ожиданием неотвратимых перемен, весны освобождения из-под векового социально-экономического рабства» [14, 11]. Именно мир природы становится материалом, в котором писатель находит различные средства для воплощения действительности в данном произведении; главным образом – социальной.

Проявления чувства природы в романе во многом обусловлены авторским отношением к социальной действительности. Природа интересует писателя не столько сама по себе, сколько в связи ее с человеком, различные природные образы и мотивы в таких случаях становятся оригинальными средствами аргументации социальной идеи.

Важнейшим мотивом, относящимся к миру природы в романе «Гага-аул», является мотив весны, который, в свою очередь, символизирует революцию как событие, изменившее жизнь гага-аульцев к лучшему, и становится ключевым для выражения авторского отношения к социально-экономическим реалиям того периода и их радикальным преобразованиям, происходившим в России с 1917 года. На протяжении всего романа мотив весны неоднократно возникает в эпизодах, описывающих тяготы существования местных жителей (горских крестьян), как некая метафора надежды: «Смирно сидите, гага-аульцы. Пусть слезятся ваши глаза, пусть в кашле разрываются груди, пусть вши и блохи грызут тела ваши. Придет весна – кто доживет, никто не знает. Смирно сидите!» [15, 188]

Первые события, описанные в романе, приходятся на конец лета. За время, охваченное в произведении, весна наступает дважды, но именно со второй весной в Гага-аул прибывают большевики, принесшие с собой освобождение от ига, возложенного на бедных гага-аульцев скрытыми врагами революции в лице кулака Кашкара и его супруги Баки – с одной стороны, а также Гамзат-муллы и Джабраил-кадия – с другой.

Разумеется, ожидание весны в романе обусловлено и естественными причинами, суровая зима неизбежно приносит в жизнь горского народа множество бытовых испытаний: «Давили зимой на Гага-аул: снизу – земля обледенелая, сверху – горы обледенелые <...> Зима, ветер во все щели одинаково дул, снег все поля одинаково покрывал; обвал всякого придавить мог» [15, 145]. Люди ждут весну потому, что им приходится топить кизяком, растягивать ограниченные запасы продовольствия, надевать на голое тело шерстяные рубахи, чтобы справиться с холодом. Но автор при этом использует мотив зимы, образы льда и ветра для более зримого изображения тех невзгод, с которыми жители высокогорного селения сталкивались на протяжении целых веков и которые, ввиду определенных общественных отношений, к тому моменту сложившихся в Гага-ауле, обострились до крайности.

Описывая в одном из эпизодов романа, как еще до окончания зимы и оттаивания дороги, ведущей в город, доведенный до отчаяния гага-аулец Гассан предпринимает попытку перейти через горный хребет и выяснить, что происходит в стране, Гатуев использует образы снега и камня для выражения тяжести, скудости и тщеты горской жизни: «Снег и камень, камень и снег. Снег коварно лежал на камнях: скрывал глубину трещин и выступы скал. И Гассан напрасно цеплялся за снег и за камни: неверен снег, и холодны камни <...>. Напрасно рвал Гассан ногти, напрасно капала на снег кровь, напрасно хотел Гассан склеить раны холодным снегом. <...> и все-таки кровь его не разрушала горы: не таяли они, не рассыпались. Камень есть камень...» [15, 194].

Весна же в романе представляется неким избавлением, событием, долженствующим решить насущные проблемы: «Дни и ночи, дни и ночи ветер хлестал в Гага-аул. “Не доживете!” – кричал народу гага-аульскому. Народ ходил страшный – желтый и черный

от копоты. Дым разъял глаза, а клопы и вши – тело. <...> Мануфактуры нет; на голое тело шерстяные рубахи надеты. Чтобы теплее было, люди с баранами спали. Хозяйки меньше и меньше лепешек пекли. Кушайте, что есть, сколько есть. Доживем до весны – хорошо будет» [15, 148]. Мотив весны в романе является самостоятельным, реалистически выписанным, но в то же время он наделен и символическим значением.

Конкретные природные явления также наделены в произведении определенными смыслами, которые при этом могут быть переменчивыми. Так, например, ветер: «И опять ветер потрясал над бездной Гага-аул, и прыгала по комнате глыба огня...» [15, 148]. Нередко описываемый как часть естественных погодных условий, в некоторых эпизодах ветер обретает символическое значение, характер которого в контексте всего романа можно назвать нефиксированным. Об этом свидетельствуют сравнения и эпитеты, к которым прибегает автор: «Как морской ветер, против царского зла поднялся Ленин. Сам встал, сам пошел, царское зло сам прогнал» [15, 150]. «Как под соколиным крылом морской ветер не держится, так мы под царским крылом не держались; как туманные тучи ветер к горам прижимает, злом так давил нас московский царь» [15, 150]. Мы видим, что одно и то же природное явление привязывается к разным образам, которые в свою очередь отражают определенные аспекты как политической, так и социально-экономической действительности: очевидно, что «московский царь» и «Ленин» здесь олицетворяют не только различные формы государственного правления, но и противопоставленные одна другой общественные системы (капитализм и социализм).

К особенностям изображения природы в романе следует отнести и мотив грозы. Еще до окончания зимы до жителей Гага-аула из-за горных цепей доносятся раскаты пушечных выстрелов; сперва люди недоуменно принимают их за гром, который по обыкновению является признаком весенней грозы: «Ночью разбудил гага-аульцев гром. Какое время для грома зима?.. Как для старости – любовь, или для пустыни – зелень, или для скорби – молодость? Гага-аульский народ накинул овчинные шубы и вышел на кровли. <...> С неба тускло светились звезды, и люди спорили, что не гром гремит, но пушки: вспыхивая, красный блеск их резко отчеркивал изломы горного кряжа» [15, 189]. Вспышки и блеск выстрелов в данном случае можно сравнить со вспышками молнии. Примечательно, что гага-аульцы не были погружены в политический контекст и имели очень смутное представление о том, что происходило в стране: «Гремели за горами пушки. Точно ворочались, урчали замерзшие глухие горы. Кто сказал бы гага-аульцам, почему стреляют пушки, почему грохотом нарушают сны голодных людей?» [15, 192].

Неосведомленность жителей селения подчеркивает естественный характер их ожидания весны (более теплого времени года, когда жизнь в горах станет легче), делает его буквальным. «Свирепый месяц март. Врывался ветер и леденил воду: в лучах мартовского солнца таял снег. Люди кончали хлеб. В темных стойлах молили о свежей весенней траве отощавшие быки и коровы, а ветер не унимался» [15, 196]. И все же это ожидание в произведении обретает определенную метафоричность и мотив весны наполняется символическим значением; весенние изменения в природе становятся отражением кардинальных политических, социальных, экономических преобразований, происходящих в жизни всей страны и, в частности, в жизни гага-аульского общества. Мотив грозы, введение которого начинается еще с описания принятия гага-аульцами пушечных выстрелов за раскаты грома, становится очевидным тому подтверждением. Примечательно, что через день после того, как большевики пришли в Гага-аул, над селением разразилась гроза: «Таяли за колеблющейся сетью дождя серые сакли. Словно плоские, вырезанные из громадного листа фанеры, мутно вырисовывались купол мечети и минарет. Некуда было уйти грозе, зажатой в каменных стенах гор. Многозвучно взрывался гром. Грохоча, отрывались от громад и пада-

ли беспомощные оползни. <...> Страшная гроза бушевала в ущелье, полыхая огнем, визжа ветром, дождем проливаясь. На заставах терпеливо мокли красноармейцы...» [15, 220-221]. Гроза размыва гага-аульские пашни, разбросала каменные межи, людям заново нужно было возделывать свои поля. На следующий же день красноармейцы вместе с местными женщинами разбрелись по склонам, начали очищать землю и подготавливать ее к посеву.

В гатуевском описании грозы можно обнаружить важную деталь; автор подчеркивает, что на звуковом фоне этого природного явления не было слышно пения муллы: «Напрасно пытался петь мулла. Ливень заглушал его голос, и пугал гром...» [15, 221] Иносказательность фрагмента становится более явственной, если учитывать то обстоятельство, что Гатуев в данном романе, помимо всего прочего, «прослеживает рост политического самосознания крестьянских масс, долго находившихся в плену религиозного дурмана и предрассудков» [16, 7]. Наряду с кулаком Кашкаром, намеренно взимавшим с находящихся в информационном вакууме горцев отмененную для них советской властью продразверстку, религиозные лица, «Гамзат-мулла» и «Джабраил-кадий», обязывали гага-аульцев платить «закят» (налог, взыскиваемый представителями мусульманской церкви) и имели при этом множество «вакуфов» (вакуф – переданное мечети по завещанию или в порядке дарения движимое и недвижимое имущество; мечеть пользуется доходами от него, но не владеет им по праву собственности; вакуф – «собственность» аллаха). С приходом в селение большевиков все изменилось, гага-аульцы начали по-новому смотреть на свое социально-экономическое положение, а влияние религиозных служителей, которые долгое время обманывали народ, ослабло подобно пению муллы, заглушенному ливнем и раскатами грома. Очевидно, что образ грозы является в романе «Гага-аул» частным выражением и кульминацией весеннего обновления жизни.

Первоначальной реакцией гага-аульцев на приход большевиков, как и на разразившуюся вместе с тем грозу, были беспокойство и страх. В связи с этим весьма интересны анималистические образы, которые Гатуев использует в том же эпизоде: «С пастбищ примчались в аул обезумевшие быки и коровы: красноглазые, они косились на сверкающее небо и недвижной толпой остановились на площади, покорно подставив под дождь трепетные шеи, жалобно и грустно мыча. Жертвенный баран тряс грузным, точно опаленным снизу курдюком. Он сбежал из дому и теперь метался по площади, тяжелый от воды, напивавшей густое, обвислое руно» [15, 221].

В художественном пространстве Гатуева нередко выполняют функцию передачи эмоциональных состояний, охватывающих жителей Гага-аула, образы животных: «Вздыхали люди в Гага-ауле, им вторили голодные овцы, коровы мычали: все просили весны, но не скоро весна» [15, 187]. Описывая в одном из эпизодов романа, как весть о внезапном убийстве разносится по селению, автор использует образ летучей мыши, чтобы передать охватившее гага-аульцев чувство тревоги, беспокойства: «как летучая мышь, весть порхала из сакли в саклю, из двери в дверь» [15, 132]. С птицами же в произведении, как правило, сопряжено выражение радости наступления весны: «Вот крикнули птицы над Гага-аулом. За горами тетиву натянули, полетели из-за горы пушенные стрелы-птицы. Весна в Гага-ауле. <...> в небе птицы летели и кричали. <...> Летели птицы над Гага-аулом, и кричала весна» [15, 154-156].

Мотив весны, имеющий ключевое значение в гатуевской символизации революции, дополняется также простейшими образами естественных природных явлений, характерных для данного времени года: «Громко зашумела на дне ущелья мутная река, на склонах ручьи заиграли, от земли пар потянулся к небу <...> Ручьи рыли снег на склонах» [15, 154]. «Весенние ручьи вниз текли, бедные люди вверх ползли...» [15, 157]. Мутная «река», играющие «ручьи», восходящий от земли «пар» – подобные атрибутивные образы неоднократно встречаются в тексте произведения.

В романе Дзахо Гатуева «Гага-аул» «исторически достоверно и художественно убедительно воссозданы сложные пути, по которым Октябрьская революция пришла к горцам Кавказа» [16, 7]. Воссоздание это в значительной мере осуществляется при помощи особых стилистических и композиционных приемов, образов и мотивов, эстетических средств, так или иначе относящихся к миру природы и решительно формирующих поэтику автора. Мы находим на страницах романа яркие примеры эпического параллелизма, когда событиям из жизни человека, народа по некоей аналогии предшествуют явления из жизни природы, которые, нарастая, как в музыкальном крещендо, подготавливают наступление долгожданной весны в Гага-ауле, предвосхищают освобождение его населения от социально-экономического рабства, – минуту, когда, слушая пришедших в аул большевиков, народ «начинал понимать, что своей рукой он должен брать свое добро, что все, чем жили до сих пор гага-аульцы, было от царского зла, что все кашкаровское добро – добро народа...» [15, 236]

Градация значимости проявлений авторского чувства природы определяется степенью функциональности каждого частного случая: простейшие образы призваны передавать эмоциональное состояние или настроение в конкретном эпизоде, тогда как объемлющий все произведение мотив весны должен выразить его основную идею и эмоциональную тенденцию.

Специфику проявленного в романе Дзахо Гатуева «Гага-аул» чувства природы обусловили этнокультурное мировосприятие и идейные убеждения автора. Оно характеризуется сложным и в высшей степени оригинальным синтезом культурно маркированных деталей, обозначающих место событий – Кавказские горы, и идеологических акцентов, выражающих время – революцию и Гражданскую войну.

1. Гаврилина О.В. Пейзаж – чувство природы – натурфилософия в художественной литературе: основные аспекты изучения // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2009. № 3. С. 30–36.

2. Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М.: Автокнита, 2010. 688 с.

3. Гурленова Л.В. Изучение темы природы в русской литературе (понятийно-терминологический аспект) // Природа и человек в художественной литературе. Волгоград: Волгу, 2001. С. 16–22.

4. Богач Д.А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 22–29.

5. Карако П.С. Природа в художественной литературе. Минск: Экоперспектива, 2009. 304 с.

6. Лапий М.Р. Психологический пейзаж в прозе Ивана Франко: поэтика и семантика. Львов: Наукова думка, 2016. 232 с.

7. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

8. Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920-1930-х гг. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. 179 с.

9. Кабулова Г.С. Художественное отражение природы в осетинской поэзии: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Владикавказ, 2009. 26 с.

10. Хетагурова Д.К. Элементы символизма и экспрессионизма в осетинской пейзажной лирике начала XX века (А.И. Токаев, Д.Б. Хетагуров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 56–61.

11. Гатуев Д. Стакан шейха // Гатуев Д. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981. С. 98–144.
12. Гатуев Д. Смерть Келемета // Гатуев Д. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981. С. 82–93.
13. Хугаев И.С. Дальше на восток: к вопросам поэтики Дзахо Гатуева // Вестник ВНИЦ. 2018. Т. 18. № 4. С. 4–8.
14. Суменова З.Н. Предисловие // Гатуев Д. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981. С. 3–12.
15. Гатуев Д. Гага-аул // Гатуев Д. Зелимхан. Владикавказ: Респект, 2015. С. 7–128.
16. Мамакаев М.А. Дзахо Гатуев // Гатуев Д. Избранное. М.: ИХЛ, 1970. С. 5–12.

Chochiev, Daniil T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); chochievd17@gmail.com

GAGA-AUL SPRING AS A SYMBOL OF REVOLUTION: IMAGES OF CAUCASIAN NATURE AND THEIR IDEOLOGICAL AND ARTISTIC FUNCTION IN THE DZAKHO GATUEV'S CREATIVITY.

Keywords: sense of nature, Dzakho Gatuev, Gaga-aul, revolution, symbol.

This article denotes the main ways of expressing a sense of nature in the work of Dzakho (Konstantin Alekseevich) Gatuev (1892-1938), a prominent author in Ossetian Russian-language literature. It also identifies the functional potential of the corresponding images and motifs, their symbolic meaning, and the inherent or specific artistic expression of the author's ideology and worldview, a highlander by birth and a revolutionary by conviction. The article examines the characteristics and tendencies of nature depiction, characteristic of all of Gatuev's work and partly related to the influence of modernism, and specifically addresses one of his most important works, the novel "Gaga-aul." A conventional gradation of the significance of the aesthetic devices used in his novel is outlined, conditioned by the author's perception of the Caucasian natural world and complex revolutionary events: the semantic content of individual, episodic images (wind, snow, stone, cliff, mountain, ice, rain, grass, river, stream, steam) and motifs (thunderstorm, spring) is consistently revealed. The role of animalistic imagery in the work is noted. The relevance of this article is dictated by its relevance to one of the most important areas of contemporary Russian literary criticism: the study of artistic characteristics and value systems in the literatures of the peoples of the Russian Federation, particularly in translingual (Russian-language) Ossetian literature. This article represents the first attempt to explore the specific manifestations of a sense of nature in the prose of Dzakho Gatuev. The article's methodology is based on a combination of historical-cultural, sociological, and integrated approaches to the analysis of literary texts, with particular attention to the category of a sense of nature and its significance in the poetics of literary works.

For citation: Chochiev, D.T. Gaga-aul spring as a symbol of revolution: images of Caucasian nature and their ideological and artistic function in the Dzakho Gatuev's creativity // Izvestiya SOIGSI. 2026. Iss. 61 (100). Pp. 124-132. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.012

References

1. Gavrilina, O.V. *Peizazh – chuvstvo prirody – naturfilosofiya v khudozhestvennoi literature: osnovnye aspekty izucheniya* [Landscape – a sense of nature – natural philosophy in fiction: the main aspects of study]. *Vestnik RUDN. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika"* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]. 2009, no. 3, pp. 30–36.
2. Veselovsky, A.N. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Favorites. Towards historical poetics]. Moscow, Avtoknita, 2010. 688 p.
3. Gurlenova, L.V. *Izuchenie temy prirody v russkoi literature (ponyatiino-terminologicheskii aspekt)* [Study of the theme of nature in Russian literature (conceptual and terminological aspect)]

aspect)). *Priroda i chelovek v khudozhestvennoi literature* [Nature and man in literature]. Volgograd, VolGU, 2001, pp. 16–22.

4. Bogach, D.A. *Problemy ponimaniya obraza prirody v literaturovedcheskoi nauke* [Problems of Understanding the Image of Nature in Literary Science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2017, no. 6 (402), iss. 106, pp. 22–29.

5. Karako, P.S. *Priroda v khudozhestvennoi literature* [Nature in fiction]. Minsk, Ekoperspektiva, 2009. 304 p.

6. Lapii, M.R. *Psikhologicheskii peizazh v proze Ivana Franko: poetika i semantika* [Psychological landscape in the prose of Ivan Franko: poetics and semantics]. Lvov, Naukova dumka, 2016. 232 p.

7. Epshtein, M.N. “*Priroda, mir, tainik vselennoi...*” *Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [“Nature, the world, the secret place of the universe...” The System of landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 303 p.

8. Gurlenova, L.V. *Chuvstvo prirody v russkoi proze 1920-1930-kh gg.* [Sense of nature in Russian prose]. Syktyvkar, Syktyvskarskii un-t, 1998. 179 p.

9. Kabulova, G.S. *Khudozhestvennoe otrazhenie prirody v osetinskoj poezii* [Artistic reflection of nature in Ossetian poetry]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2009. 26 p.

10. Khetagurova, D.K. *Elementy simvolizma i ekspressionizma v osetinskoj peizazhnoi lirike nachala XX veka (A.I. Tokaev, D.B. Khetagurov)* [Elements of symbolism and expressionism in Ossetian landscape poetry of the early 20th century (A.I. Tokaev, D.B. Khetagurov)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2019, vol. 12, iss. 10, pp. 56–61.

11. Gatuev, D. *Stakan sheikha* [Sheikh's glass]. *Gatuev, D. Stakan sheikha* [Sheikh's glass]. Ordzhonikidze, Ir, 1981, pp. 98–144.

12. Gatuev, D. *Smert' Kelemeta* [Kelemet's death]. *Stakan sheikha* [Sheikh's glass]. Ordzhonikidze, Ir, 1981, pp. 82–93.

13. Khugaev, I.S. *Dal'she na vostok: k voprosam poetiki Dzakho Gatueva* [Further to the East: towards the questions of Dzakho Gatuev's poetics]. *Vestnik VNTs* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre]. 2018, vol. 18, no. 4, pp. 4–8.

14. Sumenova, Z.N. *Predislovie* [Preface]. *Gatuev, D. Stakan sheikha* [Sheikh's glass]. Ordzhonikidze, Ir, 1981, pp. 3–12.

15. Gatuev, D. *Gaga-aul* [Gaga-aul]. *Gatuev D. Zelimkhan* [Gatuev D. Zelimkhan]. Vladikavkaz, Respekt, 2015, pp. 7–128.

16. Mamakaev, M.A. *Dzakho Gatuev* [Dzakho Gatuev]. *Gatuev D. Izbrannoe* [Gatuev D. Favorites]. Moscow, IKhL, 1970, pp. 5–12.